

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, ПИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.148:81'33

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-2-218-227

О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации

Елизавета Аркадьевна КОЛТУНОВА¹ ✉, Игорь Вениаминович ЖАРКОВ²

¹ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23

²РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам»

129164, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кибальчича, 11, корп. 1

✉ koltunova52@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования являются возможность, целесообразность и допустимость применения понятия речевая стратегия дискредитации в процессе осуществления деятельности экспертов и специалистов в сфере судебной лингвистической экспертизы. Актуальность анализа обусловлена существованием тенденции к введению понятий дискредитации и речевой стратегии дискредитации в нормы действующего законодательства и (или) практику судебной лингвистической экспертизы. В ходе исследования выявлены значимые признаки данной речевой стратегии, высказываются и обосновываются суждения о релевантности как самого понятия речевой стратегии дискредитации в целом, так и её основных тактик для решения ограниченного круга экспертных задач, связанных с выявлением признаков унижения чести и достоинства, умаления деловой репутации физического и (или) юридического лица, оскорбления и клеветы, лишь в тех случаях, когда в спорном тексте выявляются негативные сведения, выраженные в форме утверждения (верифицируемые), в отношении указанных лиц. Подробно проанализирован пример некорректного обращения к понятийному аппарату речевой стратегии дискредитации в судебно-экспертном исследовании, проведённом по делу о защите деловой репутации юридического лица. По результатам описанного исследования установлены вытекающие из природы судебно-экспертной деятельности ограничения в использовании понятия речевой стратегии дискредитации, не характерные для деятельности научно-исследовательской.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, стратегия дискредитации, порочащая информация, языковые средства, форма высказывания, утверждение о фактах, мнение, границы компетенции

Для цитирования: Колтунова Е.А., Жарков И.В. О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 218-227. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-218-227>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The limits of application of discrediting speech strategy concept in lingvo-expert practice

Elizaveta A. KOLTUNOVA¹ ✉, Igor V. ZHARKOV²

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation

²RPO "Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes"

Bldg 1, 11 Kibalchicha St., Moscow 129164, Russian Federation

✉ koltunova52@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the possibility, feasibility and admissibility of the concept of discrediting speech strategy in the process of carrying out the activities of experts and specialists in the field of forensic linguistic expertise. The relevance of the analysis is due to the existence of a tendency to introduce the concepts of discrediting and the discrediting speech strategy into the norms of the current legislation and (or) the practice of forensic linguistic expertise. In the course of the study, significant features of this speech strategy were identified, and judgment about the relevance of both the concept of a discrediting speech strategy in general and its main tactics for solving a limited range of expert tasks related to identifying signs of humiliation of honor and dignity, defamation of business reputation of physical person and (or) legal person, insulting and slander were made and justified (only in cases, when in the disputed text negative information, expressed in the form of an assertion (verifiable) in relation to these persons was identified). An example of an incorrect appeal to the conceptual framework of the discrediting speech strategy in forensic research conducted for the case of protecting the business reputation of a legal entity was analyzed in detail. Based on the results of the study described in the article, restrictions arising from the nature of forensic activities in the use of the concept of discrediting speech strategy, which are not typical for research activities, were established.

Keywords: linguistic expertise, discrediting strategy, defamatory information, linguistic means, form of speech, statement of facts, opinion, limits of competence

For citation: Koltunova E.A., Zharkov I.V. O predelakh primeneniya v lingvoekspertnoy praktike ponyatiya rechevoy strategii diskreditatsii [The limits of application of discrediting speech strategy concept in lingvo-expert practice]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 218–227. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-218-227> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической экспертизе всё более актуальной становится проблема дискредитации физического или юридического лица, особенно применительно к статьям 152 ГК РФ, 5.61 КоАП РФ, 319 УК РФ и др. Причина появления новых формулировок в вопросах, которые ставятся перед экспертами (*Содержатся ли лингвистические признаки дискредитации гражданина Н.?*), по-видимому, в значительной степени

связана с попыткой лингвистов «уйти» от формулировки правового понятия *порочащей информации*, декларируемой Постановлением ВС РФ № 3 (п. 7) от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», и перевести указанную дефиницию в близкое экспертам «лингвистическое поле». Так, в статье профессора Т.В. Чернышовой словарный анализ леммы *порочащий* связан с его трактовкой через синонимический ряд: *шель-*

мующий, носящий, замарывающий, позорящий, бесчестящий, **дискредитирующий**, бесславящий, срамящий, компрометирующий, охаивающий, охульный, пятнающий, чернящий, грязнящий, поносный, инсинуационный, опорочивающий, обесславливающий, ослабляющий (см.: [1, с. 229]).

Сходным образом, через понятие дискредитации, дефинируется составной термин «унижение чести и умаление достоинства» в учебнике по лингвистической экспертизе проф. Е.И. Галяшиной: «Унижение чести и умаление достоинства есть сознательная дискредитация человека в общественном мнении (унижение чести) или такое воздействие на общественное мнение, которое противоречит достоинству личности как её неотъемлемому праву независимо от общественного мнения о нём и от его самосознания (умаление достоинства)» [2, с. 254]. И при определении интенциональности автором учебника используется тот же термин: «Целенаправленный выбор языковых средств, направленных на **дискредитацию** положительных качеств и действий лица, формирует его негативный имидж, служит для доказывания того, что распространённые об истце сведения носят порочащий характер. <...> Если же содержание слова, выражения, высказывания связано с негативной оценкой деятельности, действия, поведения, то оно оценивается как имеющее лингвистические признаки умаления, **дискредитации**» [2, с. 255, 261].

К сожалению, прослеживается также и совместное стремление некоторых правоприменителей и экспертов к использованию понятия дискредитации для «обхода» однозначных и понятных правил, де-факто введённых упомянутым Постановлением ВС РФ № 3 с опорой на практику Европейского суда по правам человека, предписывающих обязательное отграничение сведений, выраженных в форме утверждений о фактах, от выражения мнений и убеждений, включая форму негативнооценочных суждений.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В связи с изложенным применение понятий *дискредитации* и *умаления* требует от эксперта особой осторожности и заставляет вспомнить об обязанности лингвиста сообщать

звать все свои действия с общей задачей судебно-экспертной деятельности, закреплённой в статье 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и состоящей в содействии правоприменителю в установлении с использованием специальных знаний обстоятельств, имеющих доказательственное значение по делу. Выявление лингвистических признаков стратегии дискредитации для квалификации любых негативнооценочных суждений, формально верное и не вызывающее само по себе каких-либо сомнений, способно тем не менее в обстоятельствах конкретного дела, связанного с защитой чести, достоинства и деловой репутации, создавать предпосылки для введения суда в заблуждение, не являясь достаточным для различения добросовестной критики, эксплицируемой в тексте в том числе негативными оценками и выводами, с одной стороны, и подлежащих верификации потенциально порочащих сведений, с другой стороны. Сказанное обуславливает актуальность задачи выяснения пределов применения понятийного аппарата, связанного с понятием *дискредитация*, в сфере судебной лингвистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современном русском литературном языке имя существительное «дискредитация» является производным от глагола «дискредитировать», значение которого в словарях современного русского языка толкуется следующим образом:

а) в словаре под ред. С.А. Кузнецова (2003): **ДИСКРЕДИТИРОВАТЬ**, -рую, -руешь; св. и нсв. [от франц. *discréditer*], *кого-что*. Подорвать-подрывать доверие к кому-, чему-л., умалить – умалять чей-л. авторитет. *Д. власть* < Дискредитироваться, -руется; *страд.* Дискредитация, -и, *ж.* Дискредитирование, -я¹;

б) в словаре Т.Ф. Ефремовой: **ДИСКРЕДИТИРОВАТЬ** – Подрывать доверие к кому-л., чему-л., умалять чей-л. авторитет, достоинство, значение²;

¹ Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003. С. 163.

² Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь. М.: Дрофа, 2000. Т. 1. С. 388.

в) в Словаре русского языка в четырёх томах под ред. А.П. Евгеньевой (1999). ДИСКРЕДИТАЦИЯ -и, ж. – Подрыв доверия к кому-, чему-л., умаление авторитета, значения кого-, чего-л.; дискредитирование. ДИСКРЕДИТИРОВАТЬ, -рую, -руешь; сов. и несов., перех. – Подорвать (подрывать) доверие к кому-л., чему-л., умалять чей-л. авторитет, значение³;

г) в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (2003): ДИСКРЕДИТИРОВАТЬ, -рую, -руешь; -анный; сов. и несов., кого (что) (книжн.) – Подорвать (подрывать) доверие к кому-л., чему-н., умалять (-лять) чей-н. авторитет⁴.

Таким образом, в семантическом комплексе, входящем в значение лексемы *дискредитация*, реализуется и сема «умаление [авторитета, достоинства и др.]». Однако общеупотребительное значение этого слова чрезвычайно расширяет спектр лингвоэкспертных признаков понятия «порочающая информация», «информация, унижающая честь и достоинство физического или юридического лица». Действительно, согласно вышеприведённым значениям, подорвать чей-либо авторитет можно и не используя высказываний негативного характера в форме утверждений о фактах, а выражение негативного мнения о ком-либо или негативной оценки кого-либо вполне может входить в понятие дискредитация и быть важнейшим признаком унижения чести и достоинства. Подобный подход способствует настороженному отношению, в том числе у правоприменителя, являющегося непосредственным потребителем продуктов судебно-экспертной деятельности, к любой негативной оценке и выражению любого негативного мнения, включая добросовестную критику.

Кроме того, учитывая в целом неоспоримое положение о том, что указанная речевая стратегия «включает в себя **планирование (прогнозирование)** процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. ...то есть представляет собой комплекс речевых

действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [3, с. 56, 93; 4, с. 181-182], и понимая сложность лингвистического доказывания интенциональности текста, серьёзные сомнения вызывает возможность применения концепции речевой стратегии дискредитации для оценки высказываний в чатах, даже профессиональных, не говоря уж о развлекательных и чатах – «болталках», для которых характерны быстрые смены темы и участников общения. О «размытости границ текста», интерактивности, политематичности, эффекте «автоматического письма» чат-коммуникации написано немало (см., например, [5; 6]). И если для экспертного анализа подготовленных журналистами текстов СМИ использование данной стратегии вполне релевантно, то применение инструментария стратегии дискредитации к неподготовленным, «малоформатным» типам интернет-текстов, попадающих в сферу экспертной деятельности лингвистов, по меньшей мере, затруднено в силу существенно неполного соответствия и даже противоречия процесса порождения этих текстов базовым понятиям, формирующим данную концепцию: идеи планирования и реализации плана с очевидностью не в полной мере совмещаются с такими свойствами коммуникации, как «автоматическое письмо», быстрая смена тем и участников общения.

В подавляющем большинстве случаев лингвисты-эксперты (специалисты), выявляя лингвистические признаки дискредитации, используют алгоритмы, предложенные известными лингвистами О.С. Иссерс [3; 4] и Н.Б. Руженцевой [7], которые учитывают коммуникативную направленность стратегии дискредитации – снижение «положительного образа» адресата или объекта дискредитации, подрыв доверия к кому-либо, умаление авторитета и значимости дискредитируемого лица, изменение мнения о нём, вызывание сомнения в его положительных качествах, создание образов врага или убийцы и т. д. Это речевое воздействие, в результате которого адресат или объект должен быть «обижен, причём несправедливо, оскорблён», должен «чувствовать себя объектом насмешки» [4]. Этот эффект усиливается в присутствии третьих лиц – такая ситуация характеризуется О.С. Иссерс как **опосредованная дискре-**

³ Словарь русского языка в четырёх томах / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. С. 402.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003. С. 167.

дита́ция, при которой адресат речевого акта занимает позицию **наблюдателя** и является обязательным участником, в то время как сам оскорбляемый присутствует лишь «потенциально», он не может ответить на оскорбления и обвинения. Речевой стратегии дискредитации соответствуют конкретные **речевые тактики**. Так, тактика отрицательной оценки качеств личности или личности в целом состоит в умалении достоинства, авторитета адресата, его оскорблении, издёвке, осмеянии, нанесении обиды [3, с. 161-162; 7, с. 98-102], а для реализации тактики отрицательной оценки действий, направленной на то, чтоб подчеркнуть ответственность личности за порицаемое действие на основании собственных представлений коммуниканта, избираются такие речевые действия, как упрёк, обвинение, осуждение, порицание. Отмечается также, что «только **несправедливые** обвинения способны сильно задеть чувства оскорбляемого, унижить и уязвить его, поэтому говорящему «запрещается» использовать доводы, соответствующие реальному положению дел, по крайней мере, не преувеличенные».

В коммуникативно-прагматические признаки речевого акта дискредитации входят коммуникативная направленность с целевой составляющей «умаление чести и достоинства, репутации, деловых качеств объекта дискредитации»; наличие речевых актов несправедливого обвинения, оскорбления, издёвки, насмешки, некорректной иронии и пр.

Основными содержательно-композиционными признаками речевого акта дискредитации являются несоответствие темы текста его содержанию, наличие многочисленных отступлений от темы, отклонений от изложения фактической стороны дела, оценочные, эмоционально-экспрессивные характеристики личности, её свойств и поступков; создание «ложного образа действительности» в нужном для говорящего направлении, «намеренная трансформация картины мира», наличие логических противоречий, алогизмов, ссылок на неопределённые или неизвестные источники информации.

К речевым признакам речевого акта дискредитации относятся амплификация – избыточное нагнетание средств языковой экспрессии с целью формирования определённого

отношения адресата к излагаемому содержанию (эффект «магии слова»); использование слов и выражений с негативной окраской, не вызванное практической необходимостью; неуместное использование разговорных, просторечных, жаргонных языковых средств, в том числе инвективных (бранных, оскорбительных слов и выражений), не соответствующее общему стилю, строю текста; неуместное для речевых актов сообщения использование эмоционально-экспрессивных конструкций; «навешивание ярлыков», ирония, недобросовестное цитирование в негативно-оценочных контекстах, прецедентные тексты и др. [3, с. 162-176; 4, с. 116-167; 7, с. 86-104, 128-131, 217-219].

Часть перечисленных признаков (например, направленность на умаление чести и достоинства, репутации, деловых качеств объекта дискредитации, рассматриваемая как свойство текста, которое может быть установлено в ходе лингвистического исследования объективными методами его анализа; наличие речевых актов оскорбления (=нанесения обиды, выражения резко негативной обобщённой оценки личности), издёвки, насмешки, иронии, обвинения и др.; изложение негативных фактов и событий, присутствие эмоционально-оценочных суждений негативного плана и т. п.) **тождественны более общему признаку наличия в тексте негативной в отношении определённого лица информации**, имеющей различные формы выражения.

Другая часть признаков речевой стратегии дискредитации предполагает верификацию лингвистом сведений, содержащихся в спорном тексте, с установлением соответствия либо несоответствия их действительности:

- определение тех или иных присутствующих в тексте обвинений как несправедливых;
- установление того, что создаваемый текстом образ действительности является «ложным» – здесь, видимо, предполагается, что лингвист должен вынести суждение о том, какой образ действительности является «истинным», единственно верным, а какой таковым не является;
- установление факта некорректности изложения сведений и событий, фактов опускания важных подробностей и искаже-

ния фактической стороны излагаемых событий, которая, видимо, должна быть доподлинно известна лингвисту, анализирующему описывающий это события текст; установление того, какое именно изложение событий является объективным и соответствует риторической стратегии *dedicto*;

– приведение не относящихся к делу подробностей – здесь эксперту предлагается полностью взять на себя функцию определения круга обстоятельств, значимых для решения дела;

– etc., –

что вполне возможно и не возбраняется в научно-исследовательской деятельности, но в общем случае совершенно неуместно в рамках деятельности судебно-экспертной, поскольку с неизбежностью влечёт **выход эксперта или специалиста-лингвиста за пределы его ограниченной процессуальной компетенции.**

Установление признака наличия ссылки на неопределённые или неизвестные источники является обязательным в рамках решения задачи определения формы высказываний, содержащих негативную информацию: оставаясь в русле решения общей задачи судебно-экспертной деятельности, эксперт не может не указывать субъект суждений, высказанных в тексте (авторское утверждение о фактах vs утверждение лица X о фактах vs утверждение о фактах со ссылкой на неопределённый/анонимный источник сведений и т. п.). Выявление данного признака как признака речевой стратегии дискредитации является избыточным по отношению к экспертным задачам, подлежащим обязательному решению по так называемым «диффамационным» делам.

Иные описанные в специальной литературе по лингвистической конфликтологии (например, [8]) и теории речевого воздействия (например, [4; 9]) признаки речевой стратегии дискредитации (несоответствие содержания спорных или потенциально спорных высказываний по теме текста; многочисленные отступления от темы; несоответствие заглавия и выводов, вступления и заключения; наличие логических противоречий, алогизмов) по существу сводятся в выявлению в тексте внутренних противоречий и являются лингвистическими признаками заведомости

ложных сведений. Их установление входит в обязательные задачи лингвистической экспертизы по делам о клевете (а также некоторых иных категорий дел, связанных с понятием распространения заведомо ложной, заведомо недостоверной информации), где эти признаки подлежат учёту в качестве важных специальных показателей, которые могут быть приняты правоприменителем во внимание при установлении умысла. Соответственно, выявление этих признаков как признаков речевой стратегии дискредитации является нерелевантным для лингвистической экспертизы по делам таких категорий.

Нетрудно заметить, что единственный способ реализации речевой стратегии дискредитации, независимо от выбора той или иной тактики, состоит в последовательном, систематическом сообщении негативной информации (любого рода и в любых формах) о лице, являющемся объектом дискредитации, его взглядах и убеждениях, деятельности, деловых и личных качествах, отдельных действиях и поступках в форме значимого бездействия. Наличие в тексте негативной информации о лице (безотносительно к тому, выражается эта информация в форме утверждения о фактах или в различных формах мнения) безусловно является одним из признаков речевой стратегии дискредитации, но вывод о том, что речевое поведение автора действительно реализует эту стратегию, может быть получен лишь на основе установления совокупности иных признаков, определяемых методами, применение которых выводит эксперта-лингвиста за пределы его процессуально ограниченной специальной компетенции.

Речевая стратегия дискредитации исключается в ситуациях, когда негативная информация о лице чередуется со сведениями, позитивно его характеризующими.

В контексте дел о клевете (в меньшей степени – дел о защите чести, достоинства и деловой репутации) значимым может быть вывод об отсутствии в тексте признаков реализации речевой стратегии дискредитации (например, вследствие обнаружения в спорном тексте как негативной, так и позитивной информации об истце), поскольку такое отсутствие может быть решающим фактором при установлении умысла. Присутствие же в

тексте признаков речевой стратегии дискредитации является прямым следствием выявления негативной в отношении определённого лица информации и отсутствия в тексте информации, позитивно характеризующей это лицо; вывод о выявлении таких признаков фактически является иной формой вывода о наличии в спорном тексте негативного, критического содержания.

Не следует также забывать о том, что в связи с комплексным характером явления речевой стратегии дискредитации в рамках лингвистического судебно-экспертного исследования корректно говорить исключительно о **специальных лингвистических признаках** реализации этой стратегии, но не о факте её реализации.

Примером, иллюстрирующим сказанное выше, может послужить одно из заключений специалиста Н., в котором на вопрос о наличии стратегии дискредитации (предложенный, как представляется, именно лингвистом) был получен следующий ответ: «...представленный для лингвистического исследования текст содержит коммуникативно-прагматические, содержательно-композиционные и речевые признаки речевой стратегии дискредитации. <...> в число главных коммуникативно-прагматических признаков этой стратегии входит наличие обязательно несправедливой, преувеличенной или искажённой негативной информации о дискредитируемом лице. Это может достигаться в том числе посредством использования манипулятивной риторической стратегии *de re*, которая выражается в нарочитом искажении, переформулировании фактов или перетолковании объективного хода событий в интересах говорящего, с его точки зрения. Вариантом стратегии *de re* выступает переформулированное изложение чужой речи с позиции говорящего, её искажение или приписывание другому лицу того, чего он не говорил.

Например: *«Нам же высокопоставленные маэстро отвечают: да вы быдло, всё равно без специального образования не разберётесь. Плебеи, блин! Да что вы вообще можете понимать в высокой консерваторской тематике?!»*. Очень трудно представить себе, чтобы деятели традиционной академической культуры могли отвечать в таком, близком к нецензурному говорку, фор-

мате. Нетрудно видеть, что нарочитое преувеличенное, с элементом вульгарности, приписывание дискредитируемым лицам самопрометирующего их строя речи является одним из ярких признаков стратегии дискредитации.

Коммуникативными средствами стратегии *de re* выступает, в частности, и навязывание адресату ложных выводов или умозаключений в интересах автора. <...> Примечателен в этом плане следующий фрагмент: *«Взять хотя бы историю, когда безжалостно был устранён из педагогического состава за точку зрения, не совпадающую с ректорской, талантливый педагог-вальторнист... И мы обозначили только один из факторов недобора студентов на духовое отделение!»*. Здесь читатель подводится к ложному умозаключению, что одним из факторов недобора студентов на духовое отделение является увольнение педагога за несогласие с ректором.

Ещё одним распространённым приёмом является распространение слухов, ложных измышлений, изложение непроверенных фактов и пр., причём желательно – нелепых и невероятных. В анализируемой статье это выражается в использовании метаязыковых оборотов – маркеров чужой или неопределённой точки зрения: *«По существующему в музыкальной академической среде этикету живому деятелю искусств как-то не с руки столь самозабвенно упиваться собственными регалиями»*. <...>

К содержательно-композиционным признакам стратегии дискредитации относятся разного рода логические несоответствия, отступления, противоречия, тенденциозное изложение фактов и пр. В этом плане сразу бросается в глаза несоответствие между заголовком статьи и дальнейшим изложением. Также к логическим неувязкам относится использование приёма тенденциозной аргументации. При этом в передёргивании аргументации и в подмене фактов оценочными суждениями обвиняется сам герой статьи: *«Сразу стоит оговориться, что он частенько подменяет факты своими оценочными суждениями, при этом допускает множество недоговорок»*. Однако, говоря о передёргивании фактов со стороны героя публикации, автор статьи сам допускает

такое передёргивание. Например, в фрагменте статьи: *«Итак, ректор говорит: «В 2015 году состоялся мой авторский концерт. <...> Данное высказывание – **откровенное передёргивание понятий**. Он почему-то забыл при этом пояснить, что персонально принял участие только во второй части ...концерта. Между тем авторским считается концерт, который целиком состоит из произведений одного композитора». Однако именно здесь – подмена понятий. Авторским считается концерт, посвящённый творчеству композитора, певца или поэта-песенника с участием самого автора, – и только. А формы, мера участия и состав исполнителей не являются классификационными признаками авторского концерта и могут варьироваться в зависимости от нужд организаторов в широких пределах.*

На этом примере можно видеть яркую примету речевой стратегии дискредитации – нарочито преувеличенная, жёсткая, избыточно сильная негативная характеристика свойств или действий лица, события, в котором лицо участвует, которая не соответствует характеру данного свойства, действия или события. Нетрудно заметить, что проблема правильного определения понятия «авторский концерт» по отношению к заявленной теме статьи носит совершенно частный характер и не заслуживает столь пристального внимания и столь жёсткой характеристики <...>

Речевые признаки речевого акта дискредитации в анализируемом тексте выражаются в амплификации с целью сформировать определённое отношение адресата к излагаемому содержанию. В тексте статьи встречаем выражения о консерватории: *«мы обозначили только один из факторов недобора студентов на духовое отделение!», «качество подготовки студентов кафедры струнных инструментов заметно упало», «что обусловлено низким качеством преподавания», «одно из самых важных направлений вуза продолжает пребывать в состоянии проблемного» и др.*, создающие образ упадка консерватории.

Применительно к герою публикации в тексте очевидно постоянное нагнетание выражений, в которых отражаются идеи о злоупотреблении служебным положением

(«пользуясь служебным положением, членством в общественных организациях...»), о любви к большим деньгам («позволяет себе получать многомиллионные гонорары; ...лично получать заоблачные (в сравнении с зарплатами педагогического состава ведомственного учреждения) гонорары»); о его самолюбовании и самовосхвалении («в атмосфере безудержного самолюбования», «самозабвенно упиваться собственными регалиями»). Подобные речевые средства являются сильным манипулятивным средством языковой суггестии (внушения), воздействующим не на рациональную сферу адресата, а на его эмоциональную сферу.

Также для анализируемого текста характерен приём «наклеивания/навешивания ярлыков», гипербол, негативно-оценочных метафор разговорной, жаргонной или просторечной стилиевой принадлежности («осиное гнездо»... «культурные междусобойчики»). Отмеченные признаки реализации речевой стратегии дискредитации на всех трёх уровнях не являются спорадическими (частными), они постоянно присутствуют на протяжении всего текста статьи. Таким образом, на всём пространстве анализируемого текста отчётливо фиксируются всевозможные сигналы и показатели речевой стратегии дискредитации, объектом которой являются герой статьи, управленческий аппарат вуза и само образовательное учреждение.

Отмечая глубокий и эмоциональный анализ специалистом спорного текста, необходимо заметить, что реализация в данной публикации речевой стратегии дискредитации сама по себе ещё не означает, что в тексте содержатся порочащие сведения – не соответствующая действительности выраженная в форме утверждений информация, негативно характеризующая определённое лицо.

ВЫВОДЫ

Таким образом, если не соответствующих действительности утверждений о фактах в тексте не имеется, вывод о реализации признаков речевой стратегии дискредитации не имеет и не может иметь значения для разрешения дела о защите деловой репутации (хо-

тя может свидетельствовать, скажем, о нарушении автором и редакцией СМИ норм журналистской этики или о признаках злоупотребления ими свободой СМИ).

Не лишним будет подчеркнуть, что в сфере судебного речеведения общеизвестно: эксперт-лингвист не может и не должен (не имеет права в силу законодательно установленных ограничений его процессуальной компетенции) заниматься верификацией сведений, содержащихся в исследуемом им тексте. Именно поэтому обязательным для эксперта следует считать учёт обстоятельств конкретного спора, в рамках которого возникла потребность в использовании лингвистических знаний, то есть анализ материалов дела, включающих в себя сведения о том, какая именно содержащаяся в тексте, представленном на экспертизу, информация заявлена в качестве спорной (ложной) одной из сторон – истцом в гражданском деле, заявителем и (или) следствием либо дознанием в делах уголовных или административных, а также в делах об административных правонарушениях. Это позволит эксперту установить круг спорных сведений, потенциально релевантных для разрешения дела. Верификация этих сведений на основе доказательств, представляемых сторонами состязательного судебного процесса, и установление

их истинностного статуса является прерогативой только суда.

В случаях, если утверждения о фактах, содержащие спорные сведения, в тексте действительно будут выявлены с применением традиционных методов судебной лингвистической экспертизы, вывод о признаках реализации речевой стратегии дискредитации может оказаться действительно значимым в определённых случаях: во-первых (не претендуя на полноту перечисления возможных следствий этого вывода), такие признаки определённо свидетельствуют о том, что использованная в тексте порочащая фактология не является результатом случайной ошибки, а её негативный эффект не нивелируется иным содержанием текста; во-вторых, эти признаки могут свидетельствовать о том, что эффект воздействия порочащей фактологии на аудиторию автором намеренно усиливается, а в-третьих, совокупность таких признаков может рассматриваться как один из признаков клеветы – заведомого характера распространения порочащих сведений. Заметим, впрочем, что достаточным для подобной квалификации один лишь этот признак определённо не является, а проблема его обязательности для возможности этой квалификации нуждается в дальнейшем исследовании.

Список источников

1. Чернышова Т.В. Методы анализа речевых актов: возможности и проблемы использования в лингво-экспертной и судебной практике // ACTA LINGUSTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XV. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 217-238.
2. Галышина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза. М.: Проспект, 2021. 424 с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
4. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта; Наука, 2009. 224 с.
5. Горошко Е.И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М., 2012. С. 9-52.
6. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: Концептуально-сущностные доминанты). М.: Изд-во РУДН, 2009. 300 с.
7. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004. 294 с.
8. Дымарский М.Я., Черняк В.Д. Речевая конфликтология. СПб.: Изд-во РГПУ, 2008. 215 с.
9. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж: ВГУ, 2002. 178 с.

References

1. Chernyshova T.V. Metody analiza rechevykh aktov: vozmozhnosti i problemy ispol'zovaniya v lingvo-ekspertnoy i sudebnoy praktike [Methods of analysis of speech acts: opportunities and problems of use in practice of conducting forensic linguistic examinations]. ACTA LINGUSTICA PETROPOLITANA. Trudy In-

- stituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN – ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, vol. 15, St. Petersburg, ILS RAS Publ., 2019, pp. 217-238. (In Russian).
2. Galyashina E.I. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Forensic Linguistic Expertise]. Moscow, Prospekt Publ., 2021, 424 p. (In Russian).
 3. Issers O.S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, LKI Publ., 2008, 288 p. (In Russian).
 4. Issers O.S. *Rechevoye vozdeystviye* [Speech Impact]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009, 224 p. (In Russian).
 5. Goroshko E.I. *Sovremennaya internet-kommunikatsiya: struktura i osnovnyye parametry* [Modern Internet-communication: structure and basic parameters]. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet-Communication as a New Speech Formation]. Moscow, 2012, pp. 9-52. (In Russian).
 6. Trofimova G.N. *Yazykovoy vkus internet-epokhi v Rossii (funktsionirovaniye russkogo yazyka v Internetе: Kontseptual'no-sushchnostnyye dominanty)* [Linguistic Flavor of the Internet Era in Russia (Functioning of the Russian Language on the Internet: Conceptual and Essential Dominants)]. Moscow, RUDN Publ., 2009, 300 p. (In Russian).
 7. Ruzhentseva N.B. *Diskreditiruyushchiye taktiki i priyomy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting Tactics and Techniques in the Russian Political Discourse]. Ekaterinburg, 2004, 294 p. (In Russian).
 8. Dymarskiy M.Y., Chernyak V.D. *Rehevaya konfliktologiya* [Speech Conflictology]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University Publ., 2008, 215 p. (In Russian).
 9. Sternin I.A. *Osnovy rehevogo vozdeystviya* [Fundamentals of Speech Impact]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2002, 178 p. (In Russian).

Информация об авторах

Колтунова Елизавета Аркадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация; главный лингвист-эксперт консалтинговой фирмы «Колтунов и партнёры», член Общественного совета при ГУ МВД по Нижегородской области, координатор Научно-методического совета ГЛЭДИС в регионах России и за рубежом (Нижний Новгород), ORCID: [0000-0003-2601-7954](https://orcid.org/0000-0003-2601-7954), koltunova52@yandex.ru

Вклад в статью: идея статьи, анализ словарей и научной литературы, написание части текста статьи, редактирование.

Жарков Игорь Вениаминович, кандидат филологических наук, начальник научно-методического отдела Гильдии (Санкт-Петербург), Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-4069-5938](https://orcid.org/0000-0003-4069-5938), linguexpert@protonmail.com

Вклад в статью: анализ научной литературы, сбор иллюстративного материала, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022
Одобрена после рецензирования 15.04.2022
Принята к публикации 21.04.2022

Information about the authors

Elizaveta A. Koltunova, Candidate of Philology, Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department of Philology and Journalism Institute, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation; Chief Expert Linguist of Koltunov and Partners Consulting Firm, member of the Public Council under the Ministry of Internal Affairs in Nizhny Novgorod Region, Coordinator of the Scientific and Methodological Council of GLEDIS in the Regions of Russia and Abroad (Nizhny Novgorod), ORCID: [0000-0003-2601-7954](https://orcid.org/0000-0003-2601-7954), koltunova52@yandex.ru

Contribution: study idea, dictionaries and scientific literature analysis, part manuscript text drafting, editing.

Igor V. Zharkov, Candidate of Philology, Head of the Scientific and Methodological Department of the Guild (St. Petersburg), Guild of Linguistic Experts in Documentary and Information Disputes, Moscow, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-4069-5938](https://orcid.org/0000-0003-4069-5938), linguexpert@protonmail.com

Contribution: scientific literature analysis, illustrative material acquisition, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 03.02.2022
Approved after reviewing 15.04.2022
Accepted for publication 21.04.2022